

Услышав вопрос Су Цы, Третий инстинктивно крепче прижал к себе металлический шар. Даже его маленькие ножки, обутые в аккуратные детские ботиночки, едва заметно отступили назад, словно он пытался создать между собой и собеседником безопасную дистанцию.

Со стороны казалось, будто малыш в любой момент готов сорваться с места и броситься наутёк. Однако, вопреки первоначальному порыву, он не убежал.

Мальчик медленно поднял голову. Его круглые, ярко-голубые, словно чистое летнее небо, глаза по-прежнему оставались расфокусированными и лишенными живого блеска. В обрамлении такого миловидного, почти кукольного личика этот пустой взгляд вызывал невольное чувство глубокой жалости.

Третий медленно, очень осторожно повернулся в сторону, откуда доносился голос, и спустя долгую паузу едва заметно кивнул.

- Хочу... - прошептал он.

Этот тонкий, почти прозрачный детский голосок напомнил Су Цы свежеприготовленный рисовый колобок, обваленный в белоснежной сахарной пудре, - он звучал настолько сладко и трогательно, что эта чистота проникала прямо в душу.

Су Цы был немного удивлён, а сидевший рядом мальчишка и вовсе вытаращил глаза от изумления. Изначально Восьмой хотел упрекнуть Третьего в том, что тот просто повторяет за ним, но, услышав этот голос, в одно мгновение забыл обо всех претензиях.

- Оказывается, ты умеешь разговаривать! - воскликнул он.

Мальчишка возбужденно закружился вокруг Третьего, то вскакивая на ноги, то приседая, точно любопытный щенок, и разглядывал его с таким жадным интересом, словно перед ним открылся новый, неизведанный материк.

- Я так долго живу в приюте для детёнышей, но ни разу не слышал, чтобы ты произнес хоть

слово! Я-то думал, что ты вообще немой!

Восьмой болтал с невероятным возбуждением, его большой пушистый хвост ходил ходуном из стороны в сторону, а торчащий на макушке хохолок от переизбытка радости даже приподнялся и мелко задрожал.

В приюте для детёнышей было много малышей, и Восьмой лучше всего ладил с Четвёртым и Пятой. Хотя иногда он доводил Пятую до слёз, за что Четвёртый нещадно его поколачивал, ему всё равно больше всего нравилось играть именно с этой парочкой.

Кроме того, у него была давняя привычка постоянно задиаться и драться с Шестым и Седьмым. Особенно с Шестым – с самого первого дня, как он переступил порог приюта, они совершенно не сошлись характерами.

Что же касается самого старшего, Второго... из всех обитателей приюта у того был самый взрывной и непредсказуемый нрав. К тому же за последний год Второй стал намного сильнее и теперь целыми днями буквально извергал пламя. Поэтому, если рядом не оказывался рассудительный Четвёртый, Восьмой старался всеми силами его не злить.

Самым же загадочным оставался Первый, которого Восьмой до сих пор ни разу не видел.

А Третий был, пожалуй, самым незаметным и тихим среди всех. Хотя он был очень красив – возможно, даже красивее Пятой, – но из-за слепоты и вечной молчаливости казался почти прозрачным, словно призрачный силуэт. Во время общих драк и игр его никто даже не звал.

Восьмой слышал от взрослых из ремонтной бригады, что у Третьего аутизм, а глаза такие от рождения, и даже самая современная медицинская капсула не способна их вылечить. Похоже, взор так и останется затуманенным на всю оставшуюся жизнь.

Восьмой не понимал, что на самом деле значит слово «аутизм», но решил, что это какая-то страшная и неизлечимая болезнь. Он и раньше не испытывал к Третьему неприязни, а узнав о диагнозе, проникся ещё большим, искренним сочувствием.

Только представь: если бы ему самому пришлось каждый божий день проводить в мире, полностью погружённом во тьму, он бы точно сошёл с ума от ужаса. На самом деле он, наверное, и часа – нет, даже десяти минут – не выдержал бы в такой пустоте, не говоря уже о

том, чтобы повторять это изо дня в день, год за годом.

Впрочем, может, Третий никогда и не видел света, поэтому так привык к темноте?

Как бы то ни было, Восьмой искренне жалел этого маленького несчастного. Кроме отвратительного Шестого, этой паршивой и вредной обезьяны, в приюте никто не решался обидеть Третьего.

Вспомнив о «заклятом враге» Шестом, Восьмой мгновенно помрачнел, и хвост перестал вилять. Но стоило ему снова взглянуть на Третьего, как он тут же расплылся в самой дружелюбной и открытой улыбке.

Хотя Третий, конечно, не мог её видеть.

– Третий, у тебя такой милый голос! – воскликнул Восьмой.

Он подсел к малышу и присел на корточки, чтобы оказаться с ним на одном уровне, и, глядя прямо в незрячие глаза, весело заговорил:

– Ты тоже хочешь научиться играть на флейте? Давай учиться вместе, будет гораздо веселее!

Су Цы с тихим интересом слушал их непосредственный разговор. Конечно, в основном вещал Восьмой, захваченный собственным энтузиазмом.

Он задумчиво посмотрел на них и подумал: «Неужели этот наивный волчонок совсем забыл, что у них всего одна флейта на двоих? Если отдать её Третьему, сам он останется ни с чем».

Однако Восьмой, очевидно, совершенно не осознавал проблемы нехватки инструментов. Он продолжал щебетать, ведя себя так, будто они с Третьим были старыми и близкими друзьями.

Под напором этого неудержимого энтузиазма Третий... его маленькие пальцы, сжимавшие металлический шар, напряглись ещё сильнее. Хотя на лице малыша не отразилось никаких явных эмоций, а взгляд оставался прежним, Су Цы кожей чувствовал, что ребёнок сейчас находится на грани бегства.

Если бы у него был хвост, тот бы сейчас, наверное, распушился от волнения. «Интересно, а есть ли у этого малыша хвост?» – промелькнула мысль в голове воспитателя.

Су Цы наблюдал за их взаимодействием, находя эту сцену весьма забавной и трогательной. Третий, должно быть, действительно очень хотел учиться, иначе бы он ни за что не остался здесь, столкнувшись с таким шумным и чрезмерно разговорчивым Восьмым.

К тому же безжизненные голубые глаза малыша были постоянно обращены в сторону Су Цы. Хотя он был слеп, он с поразительной точностью определял его местоположение. Действительно, среди детёнышей, принятых в приют, не было простых.

Учить одного – что учить двоих. Су Цы был вовсе не против найти для секты Звука ещё пару прилежных учеников. Тем более что методы секты Звука в основном были направлены на глубокое самосовершенствование и развитие жесткого контроля над собой. Дополнительная практика поможет им подавить и обуздать дикую силу крови, бушующую в маленьких телах.

Если они преуспеют в этом, вероятность внезапных срывов значительно снизится, и они смогут сохранять стабильное психическое состояние. Так можно будет в значительной степени избежать трагедий, подобных той, что случилась с несчастным 4583.

– Ладно, я принимаю вашу сделку, – мягко сказал Су Цы, положив ладонь на голову Третьего и кончиками пальцев слегка погладив его пушистые ушки.

Ушки были крошечными, невероятно мягкими, словно могли рассыпаться от малейшего, неосторожного нажатия. Ощущения были просто неопишуемые. Жаль, что не удалось потрогать большой хвост Восьмого, но Су Цы понимал: если он сейчас попросит об этом, Третий, скорее всего, в ужасе сбежит.

Стоило ему лишь слегка коснуться ушей, как малыш ещё крепче прижал к себе металлический шар, а на бледных, почти прозрачных щёчках проступил нежный румянец. Его незрячие глаза, казалось, наполнились влагой от сдерживаемого внутреннего напряжения, и он стал ещё больше похож на изящную и милую девочку.

Видя, как тяжело ему даётся это терпение, Су Цы сжалились и убрал руку. Малыш явно с облегчением выдохнул, хотя его маленькое тело ещё долго оставалось напряжённым, как струна. Для Третьего поглаживание ушей, по-видимому, стало серьёзным эмоциональным

испытанием.

А вот Восьмой был совсем другим. Услышав слова Су Цы, он мгновенно переключил всё внимание. Забыв о Третьем, он снова придвинулся к Су Цы, широко и радостно улыбаясь, отчего его глаза превратились в два забавных полумесяца.

С тех пор как Восьмой попал в приют, он впервые смеялся так искренне и открыто.

– Договорились! Решено! – ликовал он. – Здорово, я обязательно научусь играть на флейте!

Су Цы смотрел на этого живого, непоседливого малыша и невольно засомневался: сможет ли этот гиперактивный волчонок добиться успеха в таком тонком искусстве?

Старик из секты Звука часто повторял, что для истинного изучения музыки человеку нужны и природный талант, и невероятное усердие, поэтому, глядя на Су Цы, он всегда вздыхал с какой-то особенной завистью и сожалением.

Су Цы был действительно искусен в музыке, но совершенно не любил корпеть над ней часами, предпочитая вместо этого неспешно пить любимое персиковое вино. Каждый раз, когда старик из секты Звука в шутку ругал его за растрату таланта и потакание слабостям, Су Цы просто пропускал эти слова мимо ушей и спокойно выпивал всё вино до последней капли.

Старик даже не задумывался о том, что если бы не его отличное, ароматное персиковое вино, Су Цы никогда бы не появился в секте Звука и не стал бы изучать там музыку. И уж точно он никогда бы не стал передавать драгоценное наследие секты этим двум маленьким проказникам.

У Третьего, сидевшего рядом, румянец постепенно сходил, и выражение лица снова стало отрешённым и спокойным. Было видно, что он тоже искренне рад, просто проявляет это не так бурно, как Восьмой.

В этот момент он словно что-то почувствовал, медленно умерил эмоции и, «глядя» в сторону воспитателя, любопытно склонил голову набок.

«Это чувство... печаль? Или что-то более сложное и глубокое?»

Однако, прежде чем он успел окончательно разобраться в своих ощущениях, Су Цы отбросил лишние мысли и тихо, деликатно кашлянул.

Маленький волчонок, только что ликовавший, тут же притих и поспешно, с надеждой, подставил голову под руку Су Цы, приглашая погладить уши.

Честно говоря, уши у волчонка были крупнее и толще, на ощупь они напоминали дорогой мягкий шёлк. Можно было совершенно не бояться, что они рассыплются, и мять их сколько душе угодно. По ощущениям уши волчонка были даже приятнее.

Су Цы не мог оторваться, особенно когда со временем щёки и шея малыша покраснели, а выражение лица сменялось то смущением, то легкой досадой, но он всё равно заставлял себя терпеть. Это было невероятно забавно.

- Ты скоро?! - наконец не выдержал волчонок и смущённо уставился на Су Цы, но, встретившись с его ленивым, расслабленным взглядом, тут же сник.

Тон мальчишки стал гораздо мягче:

- Я... я просто к тому, что ты уже очень долго гладишь. Третьего ты погладил всего разок...

Последняя фраза была пробормотана совсем тихо - он был явно недоволен такой вопиющей несправедливостью. Затем он добавил:

- Теперь можно уже начинать нас учить?

Су Цы не стал больше его дразнить и молча кивнул. Восьмой обрадовался, потянул Третьего за собой, и они оба уселись перед Су Цы, задрав маленькие головки в сосредоточенном ожидании урока.

Однако Су Цы не спешил начинать. Он внимательно посмотрел на Восьмого, затем на пустые глаза Третьего и, немного подумав, сказал волчонку:

- Сначала я обучу тебя основам, а потом ты сам передашь эти знания Третьему.

Малыш был слеп, и для его полноценного обучения требовалось гораздо больше терпения и времени. У Су Цы были и другие важные дела, он не мог возиться с ними бесконечно. Раз уж под рукой оказалась бесплатная рабочая сила, почему бы ею не воспользоваться?

Неожиданно получив такое задание, мальчишка открыл рот, собираясь возмутиться и отказаться, но, взглянув на тихого и милого Третьего, закрыл его и неохотно согласился.

- Ладно, но... у меня есть одно условие! - решительно заявил Восьмой.

- Какое же? - с интересом спросил Су Цы.

- Я... я тоже хочу погладить Третьего по ушам!

Восьмой решил, что если он будет учить Третьего просто так, то останется в проигрыше. Су Цы согласился учить его только в обмен на «ушную плату». К тому же его самого гладили так долго! А Третьего - всего один раз!

Но Третий и так был таким несчастным, что требовать с него что-то действительно ценное было бы нехорошо, так что условие с ушами подходило просто идеально!

- ...

Су Цы помолчал, взглянул на Третьего, который снова крепче сжал металлический шар, и ответил:

- Разве у тебя самого их нет?

Мальчишка отвёл взгляд, надул губы и упрямо буркнул:

- Раз уж я должен его учить, он обязан дать мне погладить уши!

Хотя у него самого были уши, у Третьего они были совсем другими - крошечными и невероятно мягкими. Так хотелось узнать, какие они на самом деле на ощупь.

Из-за настойчивости Восьмого Су Цы пришлось спросить Третьего:

– Что скажешь?

Третий, чьи движения обычно были медлительными и осторожными, на этот раз очень быстро покачал головой и прошептал своим мягким, едва слышным голосом:

– Не... не надо...

Су Цы посмотрел на Восьмого и просто пожал плечами.

Выражение лица Восьмого тут же стало кислым, в ярко-зелёных глазах мелькнула обида, но он быстро её скрыл. Он сердито пробурчал:

– Не надо и не надо, больно-то хотелось! – сказав это, он демонстративно отвернулся, а затем, посчитав, что этого недостаточно, отодвинулся в сторону. Между двумя малышами, которые только что сидели вплотную, образовался зазор размером с кулак.

Затем Восьмой украдкой взглянул на Третьего. Заметив, что малыш по-прежнему не реагирует и даже, кажется, немного расслабился, он надул щёки, громко фыркнул и отодвинулся ещё дальше. Теперь расстояние между ними стало шириной в целую руку.

Услышав фыркание Восьмого, Третий наконец отреагировал: он слегка повернул голову, а затем снова поднял её на Су Цы, с нетерпением ожидая начала урока.

Восьмой: – ...

«Всё, он больше не будет с ним разговаривать!»

Видя, как Восьмой остался с носом, Су Цы едва сдержал улыбку. Он выпрямился, взял в руки флейту и начал рассказывать малышам об этом удивительном инструменте.

Голос молодого человека был мягким и чистым, обладая какой-то особой, почти магической притягательностью. Когда он заговорил, даже сердитый Восьмой притих и внимательно

прислушался.

- Мелодия, которую я только что сыграл, называется «Пастушок».

- А кто такой пастушок? - с любопытством спросил Восьмой.

- Это дети в древние времена, такие же, как вы. Им приходилось пасти скот, и они любили играть подобные маленькие мелодии...

- А что такое «пасти скот»?

В игровой комнате приюта время от времени раздавались наивные вопросы и терпеливые ответы. Казалось, с самого момента основания приюта здесь впервые воцарилась такая мирная, теплая и спокойная атмосфера.

Когда 4586 вернулся, проведив Седьмого, и увидел эту сцену, он невольно замедлил ход. Роботняня остановился у самого входа в игровую. Его электронные глаза плавно вращались, записывая каждую секунду этой тёплой сцены обучения и бережно сохраняя её в чипе памяти. Чип от интенсивности процесса даже начал слегка нагреваться.

Кроме Су Цы, никто из малышей не заметил его появления - они были настолько поглощены рассказом воспитателя, что не обращали внимания ни на что другое в мире. Они были в том прекрасном возрасте, когда мир полон бесконечного любопытства, особенно Восьмой, которому скоро исполнялось девять.

Маленький волчонок вовсе не был против учёбы, просто у него никогда не было подходящих условий, и никто не рассказывал ему о том, что его искренне интересовало. Слушая описания воспитателя, он представлял, как в те прекрасные «древние времена» он едет верхом на большом жёлтом быке, играет на пастушьей флейте и неспешно бредёт по зеленым горам, поросшим густыми деревьями и сочной травой. Это чувство было таким безмятежным и легким!

Восьмой слушал с истинным восторгом, словно наяву видел эту картину. Даже у Третьего на милом личике промелькнуло искреннее удивление и восхищение.

Поскольку малыши поссорились – ну, точнее, Восьмой в одностороннем порядке поссорился с Третьим, – Су Цы пришлось искать способ дать Третьему такой же полноценный опыт обучения. Он владел музыкой в совершенстве, и каждое его слово было наполнено скрытой силой воздействия звука.

Под его искусным контролем оба внимательно слушавших малыша незаметно погрузились в глубокую иллюзию, увидев мир, который он им показал. Для него это был лишь обычный, короткий эпизод из долгой, многомиллионной жизни, но для двух детей он стал настоящим, потрясающим откровением.

Особенно для Третьего, который никогда по-настоящему не видел этого мира. Его мир не был абсолютно чёрным, как ошибочно думал Восьмой, но он был размытым, туманным и совершенно лишённым красок.

Третий с ранних лет знал, что познаёт окружающее пространство не глазами – визуальную информацию он получал с помощью духовной силы. С возрастом он стал воспринимать всё больше вещей и больше не спотыкался при ходьбе, как в раннем детстве. Он мог ловко обходить препятствия, самостоятельно есть ложкой и точно подбирать упавший металлический шар.

Но Третий знал: всё это – лишь отголоски, а не настоящие, живые образы вещей. Однако сегодня он по-настоящему «увидел».

Этот прекрасный, пёстрый и яркий мир, которого он никогда раньше не знал: бесконечно синее небо с медленно плывущими по нему белоснежными облаками, прозрачный, кристальный ручей с изумрудной зелёной травой на дне, высокие деревья с густой листвой и нежные розово-белые цветы на ветвях...

Оказывается, настоящий мир выглядит именно так. Он не знал названий этих цветов, но теперь точно знал, как они выглядят. Он хотел навсегда, до последнего вздоха запечатлеть эту картину в сердце.

Обладая мощной духовной силой, Третий прекрасно понимал, что это всего лишь иллюзия, созданная способностями воспитателя, но он был готов утонуть в ней и совершенно не хотел просыпаться. Ему казалось, что он даже чувствует тонкий аромат цветов.

В этом густом, сладком благоухании пастушок на спине жёлтого быка неспешно проезжал по

старому каменному мостику через ручей. В руках он держал пастушью флейту и, слегка перебирая пальцами, играл лёгкую, весёлую мелодию.

Оказывается, флейту нужно держать именно так.

Когда воспитатель играл, Третий наблюдал за ним с помощью духовной силы, но видел лишь хаотичные, неясные образы, поэтому не понимал, как именно нужно извлекать звуки. На самом деле он заметил воспитателя в первый же день его появления в приюте. Если других людей он худо-бедно мог разглядеть, то этот воспитатель был для него сплошной, непроницаемой загадкой.

В его восприятии новый воспитатель был туманом – странным, ходячим туманом, который иногда воровал его ужин. Третий не понимал этого, но и не стремился выяснить причину – он хотел лишь тихо сидеть в сторонке и совершенно не интересовался секретами воспитателя.

Но сегодня всё изменилось. Когда воспитатель заиграл на флейте, он по-настоящему увидел свет, увидел картины, которых не было в его короткой и одинокой жизни. Поэтому, когда воспитатель согласился учить Восьмого, он набрался смелости, впервые в жизни шагнул к людям и заговорил первым.

Он так сильно, так отчаянно хотел снова увидеть этот мир... и вот, он увидел его снова.

Помимо прекрасных пейзажей, он увидел человека – ребёнка.

«Оказывается, люди выглядят так? Он сам выглядит так? Восьмой выглядит так? Воспитатель... тоже выглядит так?»

Третий заворожённо смотрел на пастушка, словно сквозь реку времени видя эту свободную, здоровую и полную искренней радости душу. Он подумал, что пастушок очень красив.

Всё в этой иллюзии было таким прекрасным... на это можно было смотреть вечно, не отрываясь...

Когда Третий засмотрелся, пастушок, игравший на флейте, словно почувствовал его

присутствие и увидел его. Когда бык сошёл с мостика, он отложил флейту, повернул голову и с тёплой, доброй улыбкой помахал ему рукой...

Третий в замешательстве крепче прижал к себе металлический шар, его маленькая спина непроизвольно выпрямилась. А затем, в одно мгновение, не успев ответить мальчику, как вся прекрасная картина исчезла, и мир снова погрузился в привычные серые тона.

«Нет! Пожалуйста, не исчезай!»

Впервые в жизни Третий испытал столь сильное, раздирающее эмоциональное потрясение. Он поспешно, почти в панике протянул маленькую ручку, пытаясь за что-то ухватиться, вернуть этот мир. Но это была всего лишь иллюзия, как он мог её удержать?

Когда рука схватила лишь пустоту, Третий моргнул, осознав этот горький факт. Его длинные ресницы опустились, и он, едва скрывая глубокое разочарование, собрался отдернуть руку.

И тут большая, надежная ладонь перехватила его руку, обхватив крошечный кулачок. Мягкая, тёплая рука воспитателя, протянувшаяся из густого тумана, нежно и бережно сжала его ладонь.

Затем Третий услышал тихий, успокаивающий смех воспитателя:

– Ну вот, теперь вы точно знаете, кто такой пастушок. Давайте продолжим.

Разочарование и внезапная грусть, нахлынувшие на Третьего, внезапно утихли. Он подумал: пусть этот странный воспитатель и ворует его ужин, но если он сможет снова показать ему такой прекрасный мир, он будет совсем не против отдавать ему всю свою еду.

«А тот пастушок из иллюзии – он существует на самом деле? Есть ли в этом мире кто-то ещё, похожий на него?»

Третий никогда раньше не проявлял такого глубокого, жгучего любопытства к внешнему миру. Когда воспитатель отпустил его руку, он снова обнял металлический шар, поднял голову, глядя на «туман», и снова стал внимательно слушать.

А Восьмой, сидевший рядом с ним, не переживал таких сложных чувств. Он даже не понял, что всё это было искусной иллюзией, решив, что это был плод его собственного буйного воображения.

– Давай быстрее рассказывай! Я хочу слушать! – радостно закричал мальчишка.

И в этот момент он был очень похож на того беззаботного пастушка из далеких воспоминаний Су Цы.

<http://bllate.org/book/18549/1811076>